

Печатается по решению редакционно-издательского совета
БГПУ имени Максима Танка

Редакционная коллегия:

доктор исторических наук *И.Р. Чикалова* (главный редактор);
доктор исторических наук, профессор *Н.Л. Пушкарева*;
доктор исторических наук, профессор *В.Н. Сидорцов*;
доктор исторических наук, профессор *В.В. Тугай*;
доктор исторических наук, профессор *Г.А.Космач*.

Рецензенты: доктор исторических наук, профессор *В.А. Федосик*;
доктор исторических наук, профессор *В.Н. Михнюк*.

Ж561 **Женщины** в истории: возможность быть увиденными: Сб.
науч. ст. / Под ред. И.Р. Чикаловой. — Мн.: БГПУ, 2004. — Вып. 3. —
308 с.

ISBN 985-435-776-7.

Третий выпуск сборника научных статей белорусских, российских и украинских исследователей *Женщины в истории: возможность быть увиденными* открывается разделом «Гендерный проект в гуманитарных науках», в котором авторы рассматривают развитие гендерной методологии в современном гуманитарном знании, аспекты взаимодействия феминизма и постструктурализма, проблему «лингвистического выражения» гендера. Отдельные разделы сборника посвящены исследованиям матриархата и материнства, выступающего в качестве интегративной категории исследования. В самостоятельных разделах помещены статьи, анализирующие женские домены Средневековья, а также — гендерные идеологии и политические проекты Новейшего времени.

Сборник адресуется специалистам в области истории, социологии, культурологии, антропологии, философии и смежных дисциплин.

УДК 930.8
ББК 63.3

© И.Р. Чикалова. Состав, статьи, 2004
© Авторы. Статьи, 2004
© УИЦ БГПУ, 2004

ISBN 985-435-776-7

СОДЕРЖАНИЕ

ГЕНДЕРНЫЙ ПРОЕКТ В ГУМАНИТАРНЫХ НАУКАХ

Ирина Чикалова
«Бархатная революция» в политической и исторической науке 5

Ольга Шутова
Феминизм и постструктурализм: генеалогии, взаимодействия,
противодействия 23

Алиса Толстокорова
«Лингвистическое выражение» гендера: результаты и перспективы
демократических реформ 50

МАТРИАРХАТ: ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЕ КОНСТРУКТЫ ИСТОРИЧЕСКОЙ УТОПИИ

Анна Бородина, Дмитрий Бородин
«Материнское право» И.Я. Бахофена и концепт «матриархат» 72

Игорь Богин
Истина матриархата 94

МАТЕРИНСТВО: ИНТЕГРАТИВНАЯ КАТЕГОРИЯ ИСТОРИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ

Наталья Пушкарева
Материнство как социокультурный феномен: исследовательские
подходы в психологии, философии, истории 112

Наталья Пушкарева
Зарубежная историография «истории материнства» как проблемы
социальной истории 131

Павел Романов, Елена Цыглакова, Елена Ярская-Смирнова
Мать, работница, клиентка? Социальное гражданство
одиноких матерей 154

ЖЕНСКИЕ ДОМЕНЫ ЕВРОПЕЙСКОГО СРЕДНЕВЕКОВЬЯ

Елена Чернышева
«Прекрасная дама» в представлениях трубадуров, труверов
и миннезингеров 180

<i>Валентина Успенская</i> Кристина Пизанская и ее «теоретическая реабилитация женщин» . . .	193
<i>Елена Сурта</i> Институализация проституции в позднесредневековом городском обществе Германии: легитимация мужского желания и социальная маргинализация	204
ЖЕНЩИНЫ В ИДЕОЛОГИЯХ И ПОЛИТИЧЕСКИХ ПРОЕКТАХ НОВЕЙШЕГО ВРЕМЕНИ	
<i>Анатолий Дулов</i> Брак, семья, материнство в государственной политике БССР 1920-х — первой половины 1930-х гг.	218
<i>Александр Ермаков</i> Брак, материнство и семья в нацистской идеологии и государственной политике Германии межвоенного времени	236
<i>Ирина Николаева</i> Политика немецких оккупационных властей в Беларуси в отношении женского населения (1941—1944 гг.)	255
<i>Ирина Чикалова</i> Феминизм и гендерные проекты консерваторов и лейбористов в Великобритании	269
СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ	305

ГЕНДЕРНЫЙ ПРОЕКТ В ГУМАНИТАРНЫХ НАУКАХ

Ирина Чикалова

«БАРХАТНАЯ РЕВОЛЮЦИЯ» В ПОЛИТИЧЕСКОЙ И ИСТОРИЧЕСКОЙ НАУКЕ¹

За последние десятилетия произошло заметное обновление методологической базы и тематической направленности исследований в области гуманитарных и политических наук. В связи с состоявшейся ревизией подходов к изучению прошлого и настоящего открылись перспективы для расширения исследовательского поля за счет подключения новых дискурсов и методологических интерпретаций, что стало отражением неудовлетворенности результатами, полученными исторической, социологической и политической науками при исследовании общественных процессов. Свое право на существование получили феминистский и гендерный дискурсы.

В связи с общей темой статьи целесообразно начать с оценки методологических подходов к рассмотрению проблем пола традиционалистско-консервативной политической теорией и историографией.

Гендерный аспект традиционалистско-консервативной политической теории и историографии

Большинство теоретиков, начиная с мыслителей античности, объявляли, что биологические особенности и культурные модели, связанные с женщинами, не только не позволяют им участвовать в структурах власти и управления, но и развивать качества, связанные с политической и гражданской активностью. Концепция, которая структурировала политический дискурс, базировалась на признании четкой дихотомии публичного и приватного. Начиная с древних греков, их концептуальное разведение отражало классическое понимание приватной области (*oikos*, или сфера репродукции) и хозяйственной (*polis*, город-государство, организующее производство) как изначально разделенных. Более того, только публичная сфера характеризовалась в качестве арены свободы и гражданских прав. Поскольку женщины ассоциировались с приватной, подчиненной сферой они функционально были исключены из практик свободы, которые определяли политическую жизнь: публичная сфера не только существовала без женщин, но и была настроена против них; при этом исключение женщин из публичной сферы опиралось на вменяемую им «естественную» неспособность переступить за пределы их биологического и экономического подчинения в домашней сфере. Данное отношение было характерно не только для государств античной Греции, но и для Древнего Рима: женщина абсолютно подчинялась домовладыке по Законам XII таблиц (середина V в. до н.э.), и, хотя в несколько меньшей степени — по семейным

¹ Статья написана в рамках исследования, выполняемого по гранту БРФФИ-РГНФ-2004 № ГО4Р-002.

Елена Сурта

ИНСТИТУАЛИЗАЦИЯ ПРОСТИТУЦИИ В ПОЗДНЕСРЕДНЕВЕКОВОМ ГОРОДСКОМ ОБЩЕСТВЕ ГЕРМАНИИ: ЛЕГИТИМАЦИЯ МУЖСКОГО ЖЕЛАНИЯ И СОЦИАЛЬНАЯ МАРГИНАЛИЗАЦИЯ

Одним из признаков позднесредневекового городского общества является обособление меньшинств большинством и маргинализация отдельных групп. Маргинальный статус приобретали жители, практиковавшие постыдные, ограниченные в правоспособности профессии, которым было отказано в признании в качестве цеха или не обладавшие благородным статусом. К ним относилось и занятие проституцией.

Понятие чести являлось фундаментом средневековой морали. Жизнь человека была связана не только с личной, но и с групповой честью той корпорации, к которой он принадлежал. И если честное имя и происхождение мужчины могли быть опорочены его недобросовестной деятельностью, то оценка женщины концентрировалась чаще всего на ее половой чести. Поэтому в силу своей уязвимости ее честь должна была заботливо охраняться и защищаться от всяких посягательств и угроз.

В рамках господствовавшего канона ценностей область сексуальности и телесных желаний хотя и не отрицалась, но все же рассматривалась как греховная, если существовала вне строго установленных норм. Средневековая религиозная этика проводила четкое различие между разрешенной и запрещенной сексуальностью. Разрешенными были сексуальные контакты исключительно в браке, смыслом которого было продолжение рода. Все другие формы половой активности либо были частично терпимы, либо принципиально запрещались. Проституция, наряду с конкубинатом, содомией и добрачными половыми связями, представляла одну из форм внебрачных половых контактов, и занимать ее согласно средневековым представлениям разрешалось только женщинам при определенных условиях. Проститутки представляли собой живые свидетельства нарушения норм: продажная любовь противоречила библейским заповедям. Мужская проституция по церковным канонам рассматривалась как смертный грех и караемое смертью преступление. Однако в реальной жизни к ней не всегда относились столь сурово.

Средневековое определение проституции ориентировалось на два основных ее признака: получение вознаграждения и частую смену партнеров. Но при этом средневековые теологи считали получение вознаграждения вторичным критерием. Социальная зависимость женщины вследствие ее включения в господствовавшие патриархатные структуры оправдывала притязания на материальную компенсацию за

риски и угрозы здоровью (например, беременность), которым она подвергалась при половом контакте. Так, например, в Аугсбурге было принято, чтобы соблазненные и забеременевшие девушки могли сами устанавливать определенную денежную сумму не только в качестве взноса на содержание ребенка, но также как компенсацию за потерю женской чести. Существовал также обычай «утреннего дара», который передавался невесте утром после брачной ночи в качестве компенсации за потерю девственности. Тем не менее, вознаграждение проститутки не было связано с потерей чести или девственности, а символизировало связь между сексуальным господством мужчины и деньгами¹.

Таким образом, решающим критерием проституции считалась быстрая смена партнеров. Женщина не считалась проституткой, если она вступала в половой контакт за плату с малым количеством мужчин. Это отличало содержанок, живущих в конкубинате, от проститутки, хотя граница между ними была подвижной. Это следует из описания жизни «Содержанок ландскнехтов» — последние (содержанки) иногда подрабатывали в качестве проститутки². Наличие у «свободных женщин» половых контактов со многими мужчинами не только соответствовало ожиданиям общества, но также предъявлялось к ним в качестве узаконенного требования. Публичные женщины, которые в этом отношении вели себя не соответственно своей роли (т.е. не находились в любое время в распоряжении всех мужчин), осуждались. Например, под угрозой наказания городской совет Нюрнберга запретил обитательницам женского дома, которые осмеливались не выполнять это требование, поступать так впредь. Свое толерантное отношение к древнейшей профессии нюрнбергские отцы города высказали во введении к Уставу женского дома³.

В общественной оценке проституции можно выделить как светский, так и церковно-теологический аспект. «Что можно было бы назвать вреднее, чем проститутки, сводники и другие представители этого испорченного сброда? Но удали проститутки из человеческого общества, и ты приведешь все в хаос из-за сексуальных страстей. Поставь их на место замужних женщин, и ты обесчестишь все злом и по-

¹ Roper L. Discipline and Respectability: Prostitution and the Reformation in Augsburg // History Workshop. №19. 1985. P.19.

² Irsigler F. Bettler, Dirnen und Henker im Spätmittelalterlichen und Fruehneuzeitlichen Koeln. Zur Analyse sozialer Randgruppen // Geschichte in Koeln, №7, 1980. S.32-40.

³ Nuernberger Polizeiornungen aus dem XIII. bis XV. Jahrhundert. Hg. v. J. Baader. Stuttgart, 1861 (Bibliothek des litterarischen Vereins in Stuttgart, 63). ND Amsterdam, 1966. S.117, 121.

зором»⁴. Эта оценка проституции, которую в начале V в. сформулировал Августин, и в XIII в. воспринял Фома Аквинский⁵, характеризует отношение к ней официальной церкви, что отразилось и на общественных нормах. Внутри церкви, безусловно, были группировки, которые не разделяли эту прагматическую позицию: одни склонялись к прямому проклятию, а другие — к благосклонной терпимости. В некоторых городах Германии всевозможным ограничениям подвергалось участие проституток в церковной жизни. Им, если разрешалось участвовать в богослужении, то отдельно от благочестивых женщин: это декларировалось, например, соответствующими предписаниями 1463 г. в Лейпциге и 1471 г. в Страсбурге. Часто также запрещалось производить их захоронения в освященной земле⁶. Уже у самого Августина заложена противоречивая позиция по отношению к проституции, характерная для всего Средневековья: с одной стороны, деградация социального статуса проституток, а как следствие, — их дискриминация и маргинализация; с другой стороны, допущение проституции и включение публичных женщин в общественный порядок, чтобы таким путем воспрепятствовать другому, очевидно, еще большему вреду. В силу двойственной ситуации, когда средневековое общество было фиксировано на супружеской моногамии и девственности, а для мужчины нередко реальной становилась только поздняя женитьба (многие же вообще не имели возможности создать семью), возникала необходимость в регулировании сексуальных потребностей. В противном случае опасались роста неконтролируемых насильственных действий.

Таким образом, отношение светского общества к проституции также было в высшей степени противоречивым. Понимание ее необходимости требовало допущения проституции, однако аморальность этого ремесла и убеждение в порочности самой его сущности приводило во многих городах Германии к маргинализации проституток. Наказания, связанные с поражением прав и чести у проституток, проводились максимально непристойным, но очень символическим образом. В некоторых городах публичная женщина, особенно если она занималась своим ремеслом без официальной санкции властей, подвергалась грубым и унижительным процедурам

⁴ Augustinus Aurelius. De Ordine 2, 12 // Corpus Christianorum, SL XXIX: Aurelii Augustini Opera. Pars II, 2) Thurnhout, 1970. S.114.

⁵ Thomas von Aquin. Secunda secundae summae theologiae. Quaestio 10. Art.11 // Thomas von Aquin. Opera omnia, iussu impensaue Leonis XIII P.M. Bd. 8. Rom, 1895. S.98.

⁶ Wustmann G. Frauenhaeuser und Freie Frauen in Leipzig im Mittelalter // Archiv fuer Kulturgeschichte, 5, Heft 1. 1907. S.474; Strassburger Zunft- und Polizei-Verordnungen des 14 und 15. Jahrhunderts. Hg. v. J.K.Brucker. Strassburg, 1889. S.460. Irsigler F., Lasotta F. Bettler und Gaukler, Dirnen und Henker, Randgruppen und Aussenseiter in Koeln 1300—1600. Koeln, 1984. S.187.

(стояние у позорного столба, принудительная доставка на телеге палача к городскому борделю), телесным наказаниям в виде выжигания щек и волос, отрезания носа, вплоть до изгнания и смертной казни⁷.

Кроме дискриминирующей практики наказаний, публичные женщины были ограничены в правоспособности. До конца средневековья они не могли приобрести права городского гражданства. Только с середины XV в. в некоторых городах это положение нарушалось. Многие цехи не принимали в свои ряды тех ремесленников, которые имели любовницу в женском доме. Заключение брака с публичной женщиной в городской торгово-ремесленной среде считалось позорным, и ремесленник в этом случае мог лишиться чести. Устав гамбургских кузнецов 1375 г. запрещал цеховым братьям жениться на «пользующихся дурной славой» женщинах, а подмастерьям булочников и сапожников в Лейпциге не позволялось допускать проституток на их общие встречи⁸. Дети «свободных женщин» обладали меньшими неимущественными правами. Согласно каноническому праву они не могли выступать в качестве истцов в суде. А тот, кто обругает «добропорядочную» женщину шлюхой, нередко, как это, например, устанавливалось Франкфуртским статутом 1297 г., подвергался наказаниям⁹.

С другой стороны, имеются достаточно многочисленные подтверждения того, что «свободные женщины» обладали известной правовой защитой. Так, уже «Саксонское зеркало» XIII в. содержало статью, которая грозила за изнасилование странствующей продажной женщины смертной казнью¹⁰. В других случаях публичные женщины пользовались определенным уважением горожан. Когда в 1489 г. во Франкфурте был устроен праздник в честь императора Максимилиана, для развлечения высоких гостей молодые подмастерья танцевали с проститутками, а во время ежегодной трапезы членов городского Совета обитательницы местного женского дома доставляли букеты цветов, и за это угощались¹¹.

⁷ Hirschfeld M. Geschlechtskunde auf Grund Dreisigjaehriger Forschung und Erfahrung/ 5 Bd. Bd.3: Einblicke und Ausblicke. Stuttgart, 1930. S.340; Rath B. Prostitution und Spaetmittelalterliche Gesellschaft im Oesterreichisch-sueddeutschen Raum // Frau und Spaetmittelalterlicher Alltag. Internationaler Kongress. Krems an der Donau, 2. bis 5. Oktober, 1984. Wien, 1986 (Veroeffentlichungen des Instituts fuer Mittelalterliche Realienkunde Oesterreichs 9). S.570.

⁸ Wustmann G. Frauenhaeuser und Freie Frauen in Leipzig im Mittelalter. S.469.

⁹ Kriegk G.L. Deutsches Buerkertum im Mittelalter. Nach Urkundlichen Forschungen. 2 Bde, Bd.2. Frankfurt/M., 1871. S.277.

¹⁰ Das Landrecht des Sachsenspiegels. Kap.3, Art.46. §1. S.122. (Саксонское зеркало. Ч.1. Земельное право. Книга третья. Ст.46, §1 // Саксонское зеркало. Памятник, комментарии, исследования. Москва, 1985. С.98.)

¹¹ Kriegk G.L. Deutsches Buerkertum im Mittelalter. Nach Urkundlichen Forschungen. S.327; Блох И. История проституции. Ростов на/Д, 1991. С.274-275.

Участие проституток в трапезах городских советов известно также в Цюрихе и Вюрцбурге. В некоторых регионах, как например, в Вюртенберге, существовал обычай, чтобы публичные женщины подносили на свадьбу цветы и желали счастья брачной паре. За это они либо угощались, либо вознаграждались деньгами. Цветы являлись средством завлечения и одновременно опознавательным знаком. Если девушка преподносила мужчине цветок, это считалось символом эротического приглашения. Это нашло свое отражение и в практике приема знатных гостей. В некоторых городах, как, например, в Вене, было принято, чтобы проститутки участвовали в официальных приемах высоких гостей и подносили букеты или венки с цветами¹². Таким образом, возрождались античная символика, связанная с цветами, например, сравнение открывающейся любви женщины с открывающимся свету цветком.

Подобное отношение к публичным женщинам нельзя объяснить только их заслугами на поприще утешения мужского сообщества. Здесь заметны также реликты языческого табуированного мышления. Проститутки символизировали человеческую сексуальность, обладая благочестивой или зловеще роковой силой, приближали ее к божественному или сверхъестественному. В качестве носительницы табу проститутка могла быть источником как счастья, так и несчастья, приносить вред и беду. Именно табуированным мышлением можно объяснить распространенное в Средневековье представление, что встреча с девственницей должна была принести несчастье, а с проституткой — счастье¹³. В существовавшем обычае «изгнания смерти», совершавшемся в канун Великого поста в Лейпциге, публичная женщина олицетворяла принцип радости жизни и счастья. Обитательницы женского дома привязывали соломенную куклу к длинному шесту и, шествуя процессией через город и распевая песни, выносили ее к воротам, где бросали в воду, чтобы таким символическим образом устранить опасность чумы в следующем году¹⁴.

Однако в Средневековье был также весьма распространен страх перед проституткой как носительницей табу. В некоторых городах законы запрещали проституткам, как и евреям, прикасаться к выставленным на продажу предметам, прежде всего продуктам питания. В верхненемецких городах существовал запрет на прикосновение к публичной женщине, что сближало ее по характеру социальной маргинализации с палачом. Зачастую хоронили этих женщин на живодерне. По народным поверьям публичная женщина своим «злым взглядом» могла причинить

¹² Фукс Э. Иллюстрированная история нравов: эпоха Ренессанса. М., 1996. С.512; Kriegk G.L. Deutsches Buergetum im Mittelalter. Nach Urkundlichen Forschungen. S.326; Блох И. История проституции. С.274-275.

¹³ Karle B. Art. Hure // HDA, Bd.4. Berlin/Leipzig, 1931/1932. S.511.

¹⁴ Wustmann G. Frauenhaeuser und Freie Frauen in Leipzig im Mittelalter. S.480.

вред новорожденным младенцам, а старые проститутки, занятие которых утратило свою доходность, занимались любовной ворожбой и гаданиями¹⁵. Тесная связь со сверхъестественным, которая, как считалось, присуща проституткам, объясняет, почему им приписывалось как позитивное, так и негативное влияние.

В Средневековье различали странствующих и оседлых проституток. Начало бордельной проституции относится в Германии к XIII—XIV вв. С развитием урбанизации в период высокого и позднего Средневековья «свободные женщины» сконцентрировались прежде всего в городах. Только в них постоянно существовал высокий спрос на проституток, который сделал доходной их объединение в бордели¹⁶. Организация женских домов, являвшихся собственностью городов либо становившихся ленным владением духовной или светской знати, представляла собой попытку контролировать проституцию путем ее легализации и регламентации, а также с помощью топографического обособления публичных женщин. Почти каждый относительно крупный город в период позднего Средневековья имел как минимум один женский дом, располагавшийся рядом с жильем других маргинальных групп¹⁷. Так внутри позднесредневековых городов Германии возникали «плохие районы» (чаще всего в предместьях, у городской стены или вблизи городского кладбища). Подобная социальная топография являлась индикатором маргинализации. Как правило, бордели запрещалось устраивать в непосредственном соседстве с церквями и монастырями. Например, организованный в середине XV в. на рынке в Лейпциге женский дом был перенесен в городское предместье по настоянию поселившихся неподалеку доминиканцев¹⁸.

Вопросы собственности и формы управления борделями регулировались различным образом. Собственником подобных заведений мог быть городской совет (как это было, например, в Кельне, Аугсбурге, Лейпциге¹⁹) или частный владелец под контролем городских властей. Чаще всего тако-

¹⁵ Grimm J. Deutsche Mythologie. Bd.2. Unveraend. Nachdruck d.4. Aufl. v.1876. Darmstadt, 1844/1965. S.941; Karle B. Art. Hure. S.510; Dufour P. Geschichte der Prostitution, Fortgefuehrt und bis zur Neuzeit. Ergaenzt v. F. Helbing. Aus Franzoesischen v. A. Stiller und B. Schweigger, Bd.3: Christliche Aera, Byzanz, Frankreich I, 2. Aufl. Berlin o.J., Bd.4: Frankreich II, 2. Aufl., Berlin O.J. S.190.

¹⁶ Schuster P. Das Frauenhaus. Staedtische Bordelle in Deutschland 1350 bis 1600. Paderborn/Muenchen/Wien/Zuerich, 1992. S.26.

¹⁷ Irsigler F., Lasotta A. Bettler und Gaukler, Dirnen und Henker. S.41; Strassburger Zunft- und Polizei-Verordnungen des 14 und 15. Jahrhunderts. S.459.

¹⁸ Wustmann G. Frauenhaeuser und Freie Frauen in Leipzig im Mittelalter. S.471.

¹⁹ Irsigler F., Lasotta A. Bettler und Gaukler, Dimen und Henker. S.184; Buff A. Verbrechen und Verbrecher in Augsburg in der Zweiten Haelfte des 14.Jahrhundert // Z. des Historischen Vereins fuer Schwaben und Neuburg. 4, 1878. S.185.

выми являлись представители влиятельных семей города, а также светской и духовной знати, которые выдвигали свои притязания на управление женскими домами на основании ленных прав. Бордели сдавались в аренду за еженедельную или ежегодную плату хозяину или хозяйке, которыми могли быть тюремные надзиратели, живодеры, палачи либо даже почтенные горожане и горожанки. Из этих доходов нередко выплачивалось жалование городским должностным лицам²⁰. Общий надзор и управление женскими домами, как правило, осуществлялись разными лицами. Так, в Лейпциге палач осуществлял общий надзор, а ведение хозяйства вменялось в обязанность специальной женщине, которая сама была проституткой²¹. Осуществление надзора за публичными женщинами представителями постыдных профессий, чаще всего палачами, может рассматриваться как пример вторичной стигматизации легальной городской проституции. Задачей хозяев и хозяек женских домов было обеспечение порядка и покоя, что облегчалось также издаваемыми городскими предписаниями, которые объявляли городской бордель умиротворенным местом и наказывали высокими штрафами совершаемые там акты насилия²². В 1451 г. совет города Лейпцига постановил, что всякий, кто в ратуше, в городском кабаке или в «свободном доме» затеет спор, должен уплатить 600 мер²³. Штраф был так высок, что приговоренный к нему вряд ли мог его оплатить и поэтому был вынужден покинуть город. Городские власти заботились о регулировании жизни проституток в женском доме, обитательницам которого предоставлялись известные права. Если уж публичные женщины жили в «состоянии греха» с одобрения властей, то им, как минимум, должны были предоставляться возможности для сносного существования и возвращения к нормальной жизни, «честному бытию». Часто в уставах борделей подробно регулировались вид и способ питания, длительность рабочего времени и размер заработка, чтобы предотвратить эксплуатацию проституток хозяином или хозяйкой борделя и одновременно воспрепятствовать самостоятельности женщин. Забота о здоровье проституток исчерпывалась, очевидно, их освобождением от работы на период беременности, болезней, а также менструаций²⁴.

²⁰ Schuster P. Das Frauenhaus. Staedtische Bordelle in Deutschland (1350—1500). S.99; Kriegk G.L. Deutsches Buergertum im Mittelalter. Nach Urkundlichen Forschungen. S.321.

²¹ Kriegk G.L. Deutsches Buergertum im Mittelalter. S.306; Wustmann G. Frauenhaeuser und Freie Frauen in Leipzig im Mittelalter. S.470.

²² Kriegk G.L. Deutsches Buergertum im Mittelalter. S.313; Bauer M. Die Deutsche Frau in der Vergangenheit. S.202; Rath B. Prostitution und Spaetmittelalterliche Gesellschaft im Oesterreichisch-sueddeutschen Raum. S.568.

²³ Wustmann G. Frauenhaeuser und Freie Frauen in Leipzig im Mittelalter. S.478.

²⁴ Rath B. Prostitution und Spaetmittelalterliche Gesellschaft im Oesterreichisch-Sueddeutschen Raum. S.564; Блох И. История проституции. С. 302-304.

Многочисленные предписания городских советов запрещали также продажу и заклад женщин в городских борделях согласно положению о том, что «человек создан холостым и свободным, и поэтому не может принуждаться к греховной жизни». Попытка приспособить официальную проституцию к христианской картине мира стоила городским властям определенного напряжения и требовала уступок. Как правило, соблюдались требования закрывать женские дома в церковные праздники, а также в их канун²⁵. Но не существовало единого взгляда на предмет того, насколько свят должен быть день, чтобы представить достаточный повод для закрытия борделя.

Во многих городах действовало правило принимать в бордели только незамужних и пришлых женщин²⁶. Очевидно, преследовалась цель обеспечить необходимую эмоциональную дистанцию в отношении проституток, что было бы затруднено, если бы происхождение и личные обстоятельства жизни женщин были известны. Горожанки, становившиеся проститутками, преимущественно принадлежали к низшим слоям городского плебейства. Многие деревенские девушки, приходившие в город в поисках лучших условий жизни, из-за недостаточных возможностей устроиться на работу или в результате неопытности попадали в сферу проституции. Особенно это было характерно для женщин и девушек, которые бежали в город в результате ошибочного сексуального поведения: супружеской измены, добрачной беременности или изнасилования²⁷. Бедность была наиболее частой причиной, по которой женщины становились на путь проституции. Нередко к проституции принуждали: сутенеры ездили по стране и пытались фальшивыми обещаниями склонить неопытных девушек к работе в городе²⁸. Предписания, запрещающие заклад и продажу женщин, свидетельствуют о том, что не единичны были случаи, когда в городской женский дом девушки и женщины «продавались» задолжавшими родителями или мужьями²⁹.

²⁵ Nuernberger Polizeiordnungen aus dem XIII. bis XV. S.117, Anm.1; S.473.

²⁶ Nuernberger Polizeiordnungen aus dem XIII. bis XV. S.119; Scherr J. Weib, Dame, Dirne. Kultur- und Sittengeschichte der Deutschen Frau. Durchgesehen u. hg. v. M.Bauer. 2.Aufl. Dresden, 1928. S.143; Bauer M. Die Deutsche Frau in der Vergangenheit. Berlin, 1907. S.200.

²⁷ Irsigler F., Lasotta A. Bettler und Gaukler, Dirnen und Henker. S.205; Bauer M. Die Deutsche Frau in der Vergangenheit. S.215; Flandrin J.-L. Spaeete Heirat und Saxualleben, aus dem Franzoesischen v. I.Diener // M.Bloch, F.Braudel, L.Febvre u.a. Schrift und Materie der Geschichte. Vorschlaege zur systematischen Aneignung historischer Prozesse. Hg.v.C.Honegger. Frankfurt/M., 1977. S.272-310.

²⁸ Irsigler F., Lasotta A. Bettler und Gaukler, Dirnen und Henker. S.209; Schubert E. Gauner, Dirnen und Gelichter in den Deutschen Staedten des Mittelalters. S.121; Rossiaud J. Prostitution, Sexualitaet und Gesellschaft in den Franzoesischen Staedte des 15. Jahrhunderts. S.101.

²⁹ Nuernberger Polizeiordnungen aus dem XIII. bis XV. Jahrhundert. S.117.

Посещение женского дома было запрещено женатым мужчинам, духовным лицам, а также «неверующим», то есть евреям, туркам и маврам, и нарушение этого предписания, как правило, сурово наказывалось³⁰. Доступ в бордель был официально разрешен только неженатым мужчинам — жившим в принудительном celibate подмастерьям, слугам и студентам, а также кандидатам в мужа, обреченным на длительный холостяцкий период³¹.

Наряду с легальной, контролируемой властями городской проституцией существовали различные формы свободной, «нелегальной» проституции. В некоторых районах к ней относились терпимо, но чаще всего с ней боролись, чтобы «свободные» проститутки, поселяясь в «почтенных» жилых кварталах, не наносили своим поведением вред почтенным людям, их детям и прислуге. Как и обитательницы женских домов, свободные проститутки во многих регионах подлежали налогообложению, и попытки уклониться от этой обязанности, как правило, наказывались городским советом высылкой из города³². С XIV в. в городах усилился контроль за уличной проституцией, которая должна была локализовываться в отведенных для нее кварталах. Но, несмотря на это, женщины пытались уклоняться от контроля властей и осуществлять свою деятельность по всему городу³³. Излюбленным местом сбора проституток были городские колодцы. Это было по сути проявлением древнего символизма текущей воды, ассоциировавшейся со сферой страстей, эротики и секса. И сами женские дома часто возникали на берегу реки перед городскими воротами или у колодцев. Само французское слово *pute*, итальянское *puttana* происходят от латинского *puteus*, что значит колодец.

³⁰ Bauer M. Die Deutsche Frau in der Vergangenheit. S.200; Hirschfeld M. Geschlechtskunde auf Grund Dreissigjaehriger Forschung und Erfahrung. S.340; Kriegk G.L. Deutsches Buergetum im Mittelalter. Nach Urkundlichen Forschungen. S.274, 316, 381; Irsigler F., Lasotta A. Bettler und Gaukler, Dirnen und Henker. S.190; Фукс Э. Иллюстрированная история нравов: эпоха Ренессанса. С.406-408.

³¹ Schubert E. Gauner, Dirnen und Gelichter in den deutschen Staedten des Mittelalters // Mentalitaet und Alltag im Spaetmittelalter. Hg. v. C. Meckseper und E.Schraut. Goettingen, 1985. S.117; Mueller S. Die Sittenaufsicht des hannoverschen Rates ueber Laien in Spaetmittelalter und fruherer Neuzeit// Hannoversche Geschichtsblaetter. N.F., 37, 1983. S.11; Borelli S., Stark W. Die Prostitution als Psychologisches Problem. Berlin/Goettingen/Heidelberg, 1957. S.18.

³² Rath B. Prostitution und Spaetmittelalterliche Gesellschaft im Oesterreichisch-sueddeutschen Raum. S.570; Regensburgische Chronik. Bd.3. 1821. Anm. 702. S.377; Блох И. История проституции. С.301-302.

³³ Strassburger Zunft- und Polizei- Verordnungen des 14. und 15. Jahrhunderts. S.459, 463.

Практически в любом крупном городе имелись частные бордели, которые принадлежали «почтенным» горожанам или горожанкам, где вместе с пришлыми также работали местные женщины. Последние заботились об анонимности своей деятельности, чтобы иметь возможность вернуться к благопристойному существованию³⁴. В некоторых городах свободные проститутки находили поддержку у хозяев постоянных дворов и трактирщиков, которые из меркантильного интереса «опекали» публичных женщин³⁵. Кроме того, в крупных торговых и портовых городах всегда было немало купцов, которые создавали клиентуру для свободных проституток. Свободная проституция составляла серьезную конкуренцию для легальной бордельной. Для борьбы с ней обитательницы женских домов создавали объединения, подобные цеховым организациям, обращались с жалобами к городским советам с целью запрещения деятельности «нелегалок».

Еще одним известным местом деятельности «падших женщин» были городские бани. Банщицы, оказывая посетителям услуги в виде обливания водой, массажа и приготовления постели для отдыха, были готовы и для выполнения любовных пожеланий клиентов. Многие бани в XV в. имели наряду с общими купальнями интимные маленькие ванны помещения и комнаты для отдыха³⁶.

Церковь и общество предлагали избравшим «неправедный путь» женщинам в качестве возможности ресоциализации вступление в брак или уход в специальный монастырь. Во многих городах состоятельные горожане или клирики учреждали монастыри и конвенты Магдалины в качестве домов покаяния, куда принимались отрекшиеся под присягой от прежнего поведения³⁷. Возврат к прошлому образу жизни сурово наказывался: в Вене за это женщин даже бросали в Дунай³⁸. Все же не всегда изменение убеждений было условием для приема в покаянный дом. Очевидно, подобные заведения могли использоваться также для содержания пожилых проституток.

Согласно каноническому праву замужество проститутки считалось благочестивым делом. В Нюрнберге в таких случаях предоставлялось право городского гражданства, а в Халле был учрежден даже фонд, из средств которого оказывалась материальная поддержка при заключении

³⁴ Irsigler F., Lasotta A. Bettler und Gaukler, Dirnen und Henker. S.250.

³⁵ Dufour P. Geschichte der Prostitution, Fortgefuehrt und bis zur Neuzeit. S.193.

³⁶ Rossiaud J. Prostitution, Sexualitaet und Gesellschaft in den Franzoesischen Staedte des 15. Jahrhunderts // Die Masken des Begehrens und die Metamorphosen der Sinnlichkeit. Zur Geschichte der Sexualitaet im Abendland. Hg. v. Ph. Ariés, A.Bégin. Aus dem Franzoesischen v. M.Bischof. Frankfurt/M., 1984. S.97; Фукс Э. Иллюстрированная история нравов: эпоха Ренессанса. С.456-458.

³⁷ Irsigler F., Lasotta A. Bettler und Gaukler, Dirnen und Henker. S.180, 221.

³⁸ Bauer M. Die Deutsche Frau in der Vergangenheit. S.212.

подобных браков³⁹. Однако, как уже отмечалось, некоторые социальные группы, прежде всего цехи, уклонялись от поддержки брачного способа ресоциализации публичных женщин. Например, устав ремесленников в Вене от 1429 г. запрещал мастерам и подмастерьям жениться на «свободных дочерях»⁴⁰.

Церковные и общественные установки приводили к изоляции публичных женщин и способствовали возникновению маргинальной культуры, носительницей которой были легальные проститутки, так как женщины, действовавшие нелегально, заботились о максимальной анонимности и внешне стремились демонстрировать соблюдение «благочестивого существования». Они формировали собственные обычаи и отмечали собственные праздники. Широко было распространено почитание св. Марии Магдалины в качестве патронессы-покровительницы, дни памяти которой торжественно отмечались⁴¹. В среде проститутки формировалось общегрупповое поведение, даже корпоративная солидарность. Этим объяснялось тяготение «официальной» проституции к цеховым формам организации. Однако высокая мобильность не только странствующих, но и бордельных проституток, многие из которых останавливались в городе только на 1-2 года, а затем добровольно или вынужденно его покидали, создавала одно из существенных препятствий для развития корпоративности проституток⁴².

Существуют два вида неконформистского поведения: «позитивное» и «негативное» нарушение социальных норм. Нарушение общественной нормы может приниматься и даже позитивно оцениваться большинством в том случае, если оно служит цели достижения идеала, принимаемого обществом. Классическим примером общественных «внесоциалов» в позитивном смысле являются «святые» средневекового общества. Негативное нарушение норм социума приводит осуществляющих это «нарушение» к маргинализации, то есть к деградации статуса. Внешне это могло выражаться в официальных предписаниях иметь отличительные знаки на одежде или носить определенную одежду. Уже в XI и XII вв. публичные женщины должны были отличаться от «почтенных» горожанок соответствующим внешним видом. Это — один из признаков маргинальности средневековых проституток. Например, им было предписано носить узкое, доходящее до бедер платье с короткими

³⁹ Schubert E. Gauner, Dirnen und Gelichter in den Deutschen Staedten des Mittelalters. S.121.

⁴⁰ Rath B. Prostitution und Spaetmittelalterliche Gesellschaft im Oesterreichisch-sueddeutschen Raum. S.567.

⁴¹ Блох И. История проституции. С.306, 317.

⁴² Rath B. Prostitution und Spaetmittelalterliche Gesellschaft im Oesterreichisch-sueddeutschen Raum. S.566; Buff A. Verbrechen und Verbrecher in Augsburg in der Zweiten Haelfte des 14. Jahrhunderts. S.181, 200.

рукавами, а также плотно облегающее, открытое впереди нижнее платье, которое позволяло видеть облаченные в чулки ноги вплоть до бедер⁴³.

В позднее Средневековье проститутки чаще обязаны были носить не особую одежду, а различные отличительные знаки (желтые банты на туфлях, зеленые полосы на накидке, цветные ленты на воротнике, плащ определенного цвета и т.п.). Как правило, им предписывались в одежде желтый, зеленый и красный тона, которые ассоциировались с определенной символикой: желтый считался цветом дьявола и его приверженцев, зеленый — символом жизни, красный — эротическим символом. Часто проститутки проявляли находчивость и изобретательность, скрывая свой статус. Они, например, не только в плохую, но и в хорошую погоду носили традиционные для всех женщин большие дождевые платки, скрывавшие специфические элементы одежды⁴⁴. При этом следует делать различие между маргинализацией проституток и распространенными в позднесредневековых городах предписаниями для горожан, запрещавших ношение одежды из дорогих тканей, мехов и украшений. Так, например, городской совет в Лейпциге запретил в 1463 г. незнатным горожанкам носить шелковую подкладку плащей, золотые и серебряные украшения, а также коралловые четки⁴⁵. Такие запреты дискриминировали не только проституток, но также в целом женщин, принадлежавших к средним и низшим слоям общества, если они хотели носить одежду, которая, по мнению отцов города, не соответствовала их социальному статусу. Подобные факты отражают общую тенденцию в позднесредневековых городах Германии, направленную на отграничение городских низов от городской верхушки⁴⁶. Существовали также примеры иного рода. Городские власти в Цюрихе пытались ограничить стремление «почтенных» женщин к роскоши тем, что разрешали и даже рекомендовали проституткам ношение одежды из дорогих тканей и украшений⁴⁷.

Таким образом, отношение позднесредневекового городского общества в Германии к проституции вряд ли может трактоваться однозначно, так как оно варьируется не только по времени, регионально и от города к городу, но даже по отношению к отдельным проституткам.

⁴³ Koehler B. Allgemeine Trachtenkunde. Bd.3. Teilbd.2: Das Mittelalter. Leipzig o.J. S.12; Bruhn W., Rossiaud J. Dame Venus: Prostitution in Mittelalter. Muenchen, 1989. S.82.

⁴⁴ Фукс Э. Иллюстрированная история нравов: эпоха Ренессанса. С.423-426; Блох И. История проституции. С.313-315.

⁴⁵ Wustmann G. Frauenhaeuser und Freie Frauen in Leipzig im Mittelalter. S.474.

⁴⁶ Strassburger Zunft- und Polizei-Verordnungen des 14 und 15. Jahrhunderts. S.459.

⁴⁷ Scheible J. Das Kloster. Weltlich und Geistlich. Meist aus der Aeltern Deutschen Volks-, Wunder-, Curiositaeten-, und Vorzugsweise Komischen Literatur. 12 Bd. Bd. 6. Stuttgart, 1847. S.482.

Странствующие женщины уже на основании своего мобильного образа жизни находились вне общества и подвергались, как правило, большей дискриминации, чем обитательницы городского женского дома или куртизанки крупного города. Но, с другой стороны, они имели гораздо больше возможностей уклоняться от регламентации властей, а значит и от официальной дискриминации, чем проститутки в городском борделе.

Со второй половины XV в. в германском обществе усиливаются предреформационные взгляды. С этого времени наметился принципиальный поворот к ужесточению отношения к проституции. На территории Германской империи участились акты насилия первоначально против нелегальных проституток, а с конца XV столетия — и против обитательниц городских женских домов⁴⁸. Это проявилось, например, в ликвидации обычаев и церемоний, в которых проститутки участвовали как представительницы города. Так, в 1524 г. в Вене был упразднен принятый накануне праздника Иоанна Крестителя танец ремесленных подмастерьев с проститутками. В 1529 г. совет Франкфурта запретил публичным женщинам вручать букеты цветов на ежегодной трапезе. В Нюрнберге в 1546 г. городской совет запретил проституткам участвовать в свадьбах горожан⁴⁹. Усилившаяся маргинализация публичных женщин на рубеже XV—XVI вв. была комплексным процессом, в котором участвовали не только городские советы, но в гораздо большей мере бюргерство и поддерживавший реформационные взгляды клир⁵⁰.

На совершившийся поворот в общественном сознании в отношении проституции большое влияние оказала Реформация: отныне считалось заблуждением представление о возможности регулировать и направлять сексуальные потребности путем контролируемой городской бордельной проституции, что вело к упразднению городских женских домов. Кроме того, сифилис, быстрое распространение которого в Европе с началом эпохи великих географических открытий ставилось в вину проституткам, принес городским борделям плохую репутацию. Взгляды городских советов в отношении публичных женщин эволюционировали от «более либеральных» в сторону жесткой «коммунальной морали». Усилились стигматизация и маргинализация проституток и развернулась борьба с любой формой проституции. Новая тенденция опиралась на идею Аристотеля об ответственности человека за примерную жизнь.

⁴⁸ Schuster P. Das Frauenhaus. Staedtische Bordelle in Deutschland (1350—1500). S.178.

⁴⁹ Scheible J. Das Kloster. Weltlich und Geistlich. Meist aus der Aeltern Deutschen Volks-, Wunder-, Curiositaeten-, und Vorzugsweise Komischen Literatur. S.510; Kriegk G.L. Deutsches Buerkertum im Mittelalter. Nach Urkundlichen Forschungen. S.327.

⁵⁰ Schuster B. Die Freien Frauen. Dirnen und Frauenhaeser im 15 und 16. Jahrhundert. Frankfurt/Main/NewYork, 1995. S.418.

Причины усилившейся маргинализации проституток со второй половины XV в. дискутируются в наше время, прежде всего, в перспективе цивилизационного подхода. В его рамках «бесстыдное» обращение с сексуальностью и проституцией в позднее Средневековье видится как проявление неразвитого институционального контроля эмоций, который значительно совершенствуется в результате развития центрально-государственных контролирующих органов в Новое время и приводит к функциональной зависимости «всех от всех», к сексуальной табуизации и стыдливости⁵¹. Однако обращает на себя внимание тот факт, что рамки стыдливости не во всех обществах и не во все времена одинаково высоки. В этой связи возникает вопрос о том, может ли отношение к «продажной сексуальности», описываться в рамках циклической модели смены неприятия и толерантности. Так, например, за неприятием проституции в раннее и высокое Средневековье следовала ее относительная интеграция в общество в XIV—XV вв. Эта интеграция была обусловлена двумя обстоятельствами — как церковным учением, корни которого вели к Августину Блаженному, а затем и к Фоме Аквинскому, так и политикой городских властей, видевших главный смысл деятельности проституток в обеспечении внутригородского мира погашением агрессивности молодых неженатых мужчин.

⁵¹ Elias N. Ueber den Prozess der Zivilisation. Soziogenetische und Psychogenetische Untersuchungen. Bd.1: Wandlungen des Verhaltens in den weltlichen Oberschichten des Abendlandes. Unveraend. Nachdruck der 2. Aufl. von 1969. Frankfurt/M. 1981. S.186.